

Научная статья

УДК 712.25(470.54-25) + 316.7 + 323(470)

DOI 10.15826/izv1.2022.28.4.071

СОВЕТСКИЕ ПАРКИ КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА КАК ПРОЕКТ 1930-х гг.: СТОЛИЧНЫЕ ОБРАЗЦЫ И ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Мария Владимировна Воробьева^{1,2}

Евгений Ильич Рабинович³

¹ *Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,*

Екатеринбург, Россия,

vorobyova-mariya@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-8093-0878>

² *Технический университет УГМК,*

Екатеринбург, Россия

³ *Уральский федеральный университет,*

Екатеринбург, Россия,

svet-evg@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-7718-8564>

А н н о т а ц и я. Статья посвящена восстановлению логики формирования сети парков культуры и отдыха в Советском Союзе и выявлению реальных условий существования провинциальных парков. Выделены ключевые черты проектов парков, показана динамика их развития. На материале протоколов общих собраний в парторганизации ЦПККиО им. В. Маяковского (г. Свердловск), которые авторы впервые вводят в научный оборот, раскрыты и описаны трудности первых лет работы парков, а именно отсутствие квалифицированного персонала, постоянные трансформации проектов парка и недостаток финансирования. Сделан вывод, что на таком проблемном фоне первоочередной задачей администрации парков являлась организация нормального функционирования, а задачи идеологической обработки посетителей с целью формирования нового советского человека на данном этапе не ставились.

К л ю ч е в ы е с л о в а: парки; ЦПККиО; советская культура 1930-х гг.; государственная политика; ЦПККиО им. В. Маяковского; Свердловск

Б л а г о д а р н о с т и. Исследование выполнено за счет средств гранта РФФИ, проект № 20-411-660005 «Специфика конструирования гражданственности в 1920–2010-х гг. на материале публичных парковых пространств г. Свердловска/Екатеринбурга».

SOVIET RECREATION PARK AS A PROJECT OF THE 1930S: METROPOLITAN PATTERNS AND PROVINCIAL PRACTICES

Maria V. Vorobyeva^{1,2}
Evgeny I. Rabinovich³

¹*Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
vorobyova-mariya@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8093-0878>*

²*UMMC Technical University, Ekaterinburg, Russia*

³*Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia,
svet-evg@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7718-8564>*

Abstract. The article is devoted to the restoration of the logic of the formation of a network of recreation parks in the Soviet Union and the identification of the real conditions of existence of provincial parks. The key features of park projects are highlighted, the dynamics of their development is shown. The authors for the first time introduce into scientific circulation the minutes of general meetings in the party organization of the Central recreation park named after V. Mayakovsky (Sverdlovsk). The difficulties of the first years of the parks are disclosed and described on the material of these minutes, namely: the lack of qualified personnel, constant transformations of the parks project and lack of funding. It is concluded that due to such serious problems, the main task of the park administration was to organize normal functioning. The tasks of ideological influence on visitors in order to form a new Soviet person were not set at this stage.

Key words: parks; Central recreation parks; Soviet culture of the 1930s; state policy; Central Recreation Park named after V. Mayakovsky; Sverdlovsk

Acknowledgements. The study was funded by a grant from the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-411-660005 “The Specifics of the Construction of Citizenship in the 1920s–2010s. based on the material of public park spaces in Sverdlovsk/Yekaterinburg”.

Введение. Создание ЦПКиО в СССР: особенности первых проектов (начало 1930-х гг.)

При создании в начале 1930-х гг. огромной общесоюзной сети ЦПКиО (к 1936 г. в различных городах СССР их насчитывалось более 200 [Прохорова, с. 126]) были допущены многочисленные просчеты, но главной причиной проблем стало слепое копирование столичных образцов. Последнее и привело к срыву создания сети идеальных «культурно-политических комбинатов под открытым небом» [Лунц, с. 27], поскольку объектом копирования стал ЦПКиО имени Максима Горького в Москве. Проект главного московского парка, а фактически главного парка страны, не годился для копирования в провинции как минимум

по экономическим причинам. Так, даже бюджет второго по величине города страны, Ленинграда, не справился с этой задачей [Барышева, с. 21–22]. Но «ряду колебаний, сомнений и вредных уклонов в области зеленого оформления города» и паркового строительства был положен конец после речи тов. Л. М. Кагановича на пленуме Моссовета 10 июля 1934 г., в которой он заявил: «...тов. Сталин направляет наше внимание на зеленое строительство, причем под зеленым строительством понимает не мелкие газончики, которыми иногда увлекаются наши работники, а крупные парковые массивы, которые мы должны всемерно развивать» [Проблемы садово-парковой архитектуры, с. V]. Речь шла об озеленении Москвы, но провинциальная бюрократия четко реагировала на сигналы из столицы. По этой причине «крупные парковые массивы» в провинции должны были появляться и существовать, пусть функционируя преимущественно в форме строк отчетов.

Механическое перенесение московского эталона на провинциальную почву обычно не учитывало географические, климатические, этнические факторы, историко-культурные традиции, степень урбанизации и, что принципиально важно, демографические показатели. В 1935–1936 гг. эта проблема советских парков стала очевидна. М. И. Прохорова писала: «Проектирование парков, охватившее в первую очередь крупнейшие города Союза, характеризуется некоей гигантоманией (парки проектируются на нескольких тысячах гектаров: парк в Новосибирске — 5 000, в Челябинске — 1 800 и т. п.) и поисками прежде всего функциональной схемы районирования (обязательно оригинальной), формалистическими тенденциями: в проектах господствуют колоссальные поля массовых действий, лишённые реальных масштабов, огромные, в несколько километров, аллеи демонстраций; вся территория парков насыщается сооружениями и площадками, нет почти ни одного куска живой природы... При этом выработался известный стандарт в последовательности размещения парковых секторов <...> Осуществлению этого стандарта зачастую противоречат размеры территории парка, его сетевое назначение (районный, общегородской); наконец, стандарт недоучитывает местные природные условия, хотя последние в значительной части определяют содержание работы парка и его архитектуру» [Прохорова, с. 124–125].

Естественно, что реализация подобных проектов была затруднительна, однако из-за необходимости давать отчеты руководству разных уровней и инстанций парковое строительство велось, хотя и вовсе не соответствуя первоначальным замыслам: «Эти грандиозные проекты, к тому же не доведенные до стадии рабочих чертежей, никак не укладывались в рамки реального осуществления... <...> ...парковая архитектура рождается из местной изобретательности, умноженной на отголоски теоретических положений и финансовые возможности. Строительство парков ведется по способу ежегодного беспланового наслоения небольших мероприятий, необходимость которых выявилась практикой истекшего года; зачастую недостаточно реально используются денежные фонды, чрезмерно доминируют зрелищные мероприятия и аттракционы, что объясняется их рентабельностью... <...> Архитектура всех объектов случайна, материал — преимущественно

фанера; недоучитывается зеленое окружение. Это последовательное наслоение сооружений, их постоянное “приспособление” исключают возможность создания целостных ансамблей» [Прохорова, с. 124–125].

Эта критика проектов и низкого качества строительства провинциальных ЦПКиО по времени совпала с переворотом в жизни советских парков, который определило появление новых веяний в области теории паркостроения. Начался новый этап со сворачиванием так и не реализованных парковых проектов первой половины 1930-х гг. и созданием новых проектов.

О новых стандартах в советском паркостроении (середина 1930-х гг.)

В середине 1930-х гг. радикально меняется осознание феномена парка. Рекреативный отдых начинает пониматься как главное предназначение парка и с каждой публикацией, каждым партийным постановлением (см., например, [Постановление ЦК ВЛКСМ...]) все больше доминирует над «культурой», толкуемой ранее как политико-идеологическая обработка посетителей. В результате постепенно формируется и новое соотношение «культуры» с «отдыхом», и новое идеологическое наполнение частей данной формулы. Прежде отдых сам по себе представлялся чем-то аморальным, а потому должен был целиком подчиняться «культуре» и производственным задачам: «Что такое культура отдыха? Ты получил свободные 12–14 часов, используй время так, чтобы укрепить истощенный за неделю организм, увеличить свои знания, повысить культурный уровень. Используй время так, чтобы вернуться на завод свежим, бодрым» [Рафаил, с. 19]. Принципиально здесь и то, что отдых должен быть массовым: «...коллективный просмотр кинофильмов, коллективное обучение разным видам искусства, коллективное хождение в театр, массовые спортивные игры, массовые читки лучших художественных произведений, коллективные велосипедные прогулки» [Там же, с. 20].

С осторожностью утверждая новый примат «отдыха» над «культурой», архитекторы меняют акценты, определяя приоритетные задачи парковой работы, в результате чего над политико-воспитательным и развлекательным направлениями работы начинает доминировать природная составляющая парка. В итоге «отдых» теперь ассоциируется с тихим, сдержанным, размеренным и, очевидно, не массовым взаимодействием с природой: «...надо пересмотреть самое понимание “отдыха”. <...> Проблема общения человека с природой в сегодняшней парковой практике отодвинута на задний план, а между тем именно эта задача должна быть, по нашему мнению, для парков, наряду с организацией развлечений, одной из главных» [Карра, Лунц, с. 70].

Основным объектом критики становятся аттракционы, громкая музыка и массовые активности в парках. Фактически архитекторы просто хотят вернуть парки к дореволюционной норме, но могут высказать это лишь в форме критики актуальной советской парковой культуры: «Следует признать, что в некоторых

наших парках слишком много развлечений и аттракционов. Посетитель, привлеченный яркой и часто интересной рекламой, стремится побывать во всех “точках”. В результате следует излишнее раздражение нервной системы, и человек уходит из парка недостаточно отдохнувшим и освеженным» [Карра, Лунц, с. 70].

Критикуются отдельные парки и проекты парков, в которых излишне усилены далекие от спокойного отдыха активности: «...проект парка на Крестовском острове в Ленинграде пошел по линии полного подчинения физкультурному разделу: вместо парка — грандиозный физкультурный комбинат. Практика показала, однако, что тип демонстрационного стадиона является инородным организмом в планировке парка» [Прохорова, с. 133–134].

Можно сказать, что во второй половине 1930-х гг. назревает парковая консервативная революция, в новой версии во многом (но, разумеется, не полностью) возвращавшая старые нормы отдыха. Широко распространенные и ставшими нормативными парковые концепции и активности 1920-х — начала 1930-х гг. подвергаются критике. Даже ЦПКиО имени Максима Горького в Москве — эталонный парк СССР, теперь воспринимается как неудовлетворительный [Карра, Лунц, с. 48–51]. В рамках плана реконструкции Москвы 1935 г. радикальной реконструкции подлежат все основные парки (на которые ориентировались провинциальные парки), поскольку отныне они воспринимаются как не соответствующие новым веяниям.

Собственно, пока никто отчетливо не понимает, какими должны быть парки следующей формации; работники парков и архитекторы только начали вырабатывать новые концепции: «...стиль советского парка еще не выкристаллизовался, все же некоторые общие композиционные положения можно наметить уже сейчас» [Там же, с. 74]. Базой новой концепции парка в результате их работы станут следующие положения:

1. Архитекторы считают, что «в советском парке не может быть отдано предпочтение тому или иному из установившихся в истории паркостроения типов (пейзажный парк, регулярный и т. д.)» [Там же]. Переходность эпохи требует от архитекторов аккуратного балансирования между установками: с одной стороны, главным в парке объявляется тихий отдых на природе, с другой — «социально-практические функции, формирующиеся под влиянием основных идей социалистического общества, должны развиваться в ведущую архитектурно-планировочную идею парка» [Там же, с. 74–75].

2. В основу проектирования парка вводится понятие ансамблевости, в противовес модному ранее функциональному подходу. «Парк должен строиться ансамблями, с тем чтобы каждое пространство парка, каждое его сооружение входило в тот или иной ансамбль и решалось, исходя из общего композиционного приема» [Там же, с. 75].

3. Новое значение придается садово-парковой скульптуре. При этом она теперь не должна решать исключительно идеологические задачи, «скульптура в парке должна служить целям зеленых, цветочных и водных форм архитектуры, уточняя образы последней» [Там же, с. 77].

4. С середины 1930-х гг. решительно критикуются востребованные до того авангардные эксперименты с малыми архитектурными формами и цветочным оформлением газонов. Взамен рекомендовалось обращение к классическим формам: «Цветочное оформление парков за довольно длительный период, примерно до 1933 г., прошло те же фазы исканий, до крайне левых уклонов включительно, что и другие виды искусств. Еще совсем недавно отдельные объекты оформления, составлявшие единое целое с ансамблем окружающих их зданий, решались в угоду еще не найденному принципу производственной тематики. Регулярные партеры, соответствующие архитектуре зданий, заменялись рисунками огромных шестерен, пересекающих и цветники, и газоны... <...> Порочность этих решений состояла в том, что рисунки, брошенные на огромную горизонтальную плоскость, не доходили до зрителя, потому что в поле его зрения находилась лишь небольшая часть изображения» [Кланг, с. 272].

Теперь цветочное оформление парков должно было соответствовать канонам социалистического реализма. Для оформлений парков стали предписываться выполненные в технике «цветочной живописи <...> прежде всего портреты великих людей нашей страны, художественно выполненные из живых растений в комбинации с цветами» [Там же, с. 273].

5. Важнейшее значение придается воде: «...вода является для парка одним из решающих элементов архитектурного образа и функционального профиля. Поэтому решение проблемы оводнения (водоемы, фонтаны, бассейны, каскады и т. д.) — один из существенных моментов в области паркостроения и создания архитектуры парка» [Карра, Лунц, с. 83].

6. В духе новой имперскости, выборочного включения старой культуры в актуальный дискурс, архитекторов, работающих над созданием проектов советских ПКиО, призывают изучать классические парки: «Примеры оформления холмистых территорий, выработанные эпохой итальянского Возрождения, где самостоятельное выражение отдельных частей сада четко объединено системой террас и лестниц, могут быть широко использованы в нагорных районах Союза. Низкие и обширные террасы, построенные Ленотром в композициях крупного масштаба, содействуют большей грандиозности и размаху в равнинных местностях и особенно пригодны для ПКиО» [Шервинский, с. 101–102].

7. Появляется требование унификации проектирования и эксплуатации советских парков с выработкой единых для всех норм: «Ни одно из существующих у нас научно-исследовательских и хозяйственных учреждений до сих пор не разработало норм по планировке парков и по строительству парковых сооружений» [Карра, Лунц, с. 84].

Заметим, что обозначенные выше тенденции касались прежде всего столичных парков. Реальность, в которой существовали провинциальные парки, была иной. Внутри нее не занимались теоретизированием, а решали вопросы, связанные с выживанием. В провинции паркостроителям приходилось сталкиваться с недостатком финансирования и материальных ресурсов, отсутствием квалифицированного персонала, постоянным перекраиванием проектов парка, неожиданными

реорганизациями, необходимостью рапортовать об успехах столичному начальству и т. д. На примере ЦПККиО в г. Свердловске мы продемонстрируем, как и чем жили парки в провинции.

ЦПККиО в провинции: реалии существования

Строительство ЦПККиО в Свердловске — как по времени, так и по заложенным в проекте ошибках — не уникально и коррелирует с другими парковыми проектами тех лет.

В феврале 1931 г. на одном из заседаний президиума горсовета Свердловска было принято решение об организации в городе Парка культуры и отдыха. Для реализации этой задачи был создан специальный комитет [В Свердловске строится Парк..., с. 4]. Тогда же начались и работы по подготовке к строительству [ГАСО, ф. 286, оп. 1, д. 164, л. 14]. По всей видимости, приняв такое судьбоносное для города решение, чиновники не знали, как приступить к работе. Поэтому был применен привычный метод копирования столичных норм: «...президиум предложил комитету связаться с управлением московского Парка культуры и отдыха для использования его опыта по организации парка» [В Свердловске строится Парк..., с. 4].

При отсутствии даже предварительного архитектурного плана (а также имеющих опыт его составления архитекторов), без исследования местности, профессиональных кадров реализация принятого решения была чрезвычайно затруднительна. Однако основной ошибкой стало то, что «первая очередь строительства парка ориентировочно должна быть рассчитана (как минимум) на 500 тысяч человек, при парке должны быть областной стадион, зоопарк, этнопарк и т. д.» [Там же].

Очевидно, что ориентация на столичный образец полностью игнорирует демографические реалии Свердловска — запроектированная наполняемость только первой очереди парка почти в 2,5 раза превосходит все население города! Попытка реализовать столь грандиозный проект изначально была обречена на провал, но сиюминутная выгода (соответствие столичным нормам и возможность составить хороший отчет) победила [Рабинович, с. 1002–1004].

При дальнейшей работе над проектом парка именно этот фактор станет главной проблемой. Позже размер проектируемой территории парка пересмотрят и сократят. В новом проекте размер парка составит 1440 гектар (почти в 3 раза больше, чем в проекте для Ленинграда) при посещаемости 150 тыс. человек в день [Лунц, с. 27]. Но и такой, сократившийся на 2/3 проект парка излишне велик — парк ежедневно должно посещать более половины населения города. При неразвитости транспортной сети города и расположении парка на окраине Свердловска начала 1930-х гг. это являлось невозможным. Когда в 1933 г. парк откроется, горсовет организует специальные автобусные маршруты до нового ПККиО и его в день открытия посетит 20 тыс. человек [Парк культуры и отдыха сделать образцовым, с. 4]. Очевидно, что в обычные будние дни посетителей будет

меньше. Излишне большая территория порождала еще одну важную проблему: из-за недостатка финансирования ее нельзя было освоить и облагородить. В 1934 г. существовавший уже целый год парк не производил впечатления готового для работы: «То, что сейчас называется парком, еще не оправдывает своего названия. Предстоит огромная работа по освоению громадной территории» [38 тысяч на отдыхе..., с. 4]. Но логика партийного руководства и реалии парковой жизни радикально не совпадали.

На второй год своего существования ЦПКиО им. В. Маяковского буквально едва держится на плаву, администрация с трудом обеспечивает работу парка. Протокол заседания партячейки парка в январе 1934 г. фиксирует жалобы дирекции на нехватку тягловой силы, просьбу в адрес горсовета о приобретении еще 5 лошадей, а также сетования на недостатку строительной документации: «Вопрос подготовки строительства парка в 1934 г. на сегодняшний день обстоит весьма плохо и только потому что существующая *проектная*¹ бригада при дирекции ЦПКиО возглавленная Дукельским не обеспечила нас рабочими чертежами, что может получиться срыв работы и *эксплуатации* парка в 1934 г.» [ЦДОСО, ф. 2310, оп. 1, д. 1а, л. 1].

Дирекция парка пребывает в растерянности — с какой из частей огромной ответственной под ЦПКиО территории следует начать освоение. В итоге было принято решение «...поставить вопрос перед Президиумом Горсовета о посылке директора ЦПКиО г. Свердловска тов. Латышева в Московский Парк Культуры и отдыха имени Максима Горького сроком 2–3 м-ца на имеющуюся свободную должность Заместителем Директора ЦПКиО для получения опыта работы. Обязать тов. Латышева договориться с Московским ЦПКиО о выделении инструкторов для Свердловского парка по подготовке Массовиков и затейников к 1/VI-34 года, а к 15/I-34 получить из Московского ЦПКиО положение работы Центральных Парков на основании опыта составить положение применительно к условиям г. Свердловска» [Там же, л. 2]. Таким образом, мы видим, что парк пытается работать, но руководство парка не представляет, как руководить ЦПКиО, как парк должен функционировать, что делать с территорией и посетителями. Причина в том, что у работников парка отсутствуют специальные знания, образование, опыт.

Расформирование территориально-экономической единицы «Уральская область» в 1934 г. стало для парка подлинной катастрофой. Вследствие этой административной реформы резко сократилось финансирование (примерно в пять раз), поскольку Свердловск перестал быть столицей Урала и обрел статус областного города. Новый бюджет сделал старые проекты строительства парка решительно лишёнными актуальности, при этом не позволял выделить средства на составление новых проектов и наполнять парк ранее запланированными объектами. Возведенные ранее объекты работали с перебоями: «Строительство ЦПКО по утвержденному титульному списку выражалось в сумме 1843 тыс. р. Но *всвязи с районизированием* Уральской Области, нам финансированием Уралпланом

¹ Выделено нами. Здесь и далее стиль, орфография и пунктуация оригинала сохранены. — М. В., Е. Р.

и Горпланом отведено 400 тыс. руб. Нами составлен на эту сумму окончательный титульный список. На сумму 450 тыс. р. <...> Штат ЦПКО утвержден на 45 человек <...> Проектами мы не обеспечены полностью для строительства. Имеется только *искизные* проекты по генеральному плану. Проекты зданий и сметы и *зделаны* те из объектов которые нам на *сегоднеший* день не нужны. Дальше с таким положением с проектами не терпимо. Горнолыжная станция *функцирует* но весьма слабо. Выразилось в том, что назначенный работник с этой работой не справился и был *не медленно* уволен. Строительного материала на сегодняшний день нет. Не обеспечено начало строительства. Лодочная станция обеспечена на 50 % проектируемого лодок. <...> Проектное бюро до сих пор не дает границы по вырубке леса для лесопарковой дачи. Для постройки зданий заготовленный лес в количестве 250 к. м. требуется вывести. Нужно иметь лошадей не менее 5 штук» [ЦДООСО, ф. 2310, оп. 1, д. 1а, л. 6].

Все изложенные выше плачевные обстоятельства не мешают свердловскому парку уже в начале следующего года попасть в категорию ведущих парков СССР и стать одним из образцов для подражания. Для этого имелись формальные причины: огромный объем территории (хоть и почти не благоустроенной), большое количество посетителей (другие парки города в силу своей камерности не способны вместить значительное количество людей), грандиозный проект. Реальность в специфической системе советской бюрократической отчетности не так важна — указанных формальных показателей (кодируемых в гектарах площади и десятках тысяч посетителей) достаточно для включения свердловского ПККО в категорию объектов, характеризующихся как «крупные комбинаты политико-просветительной, оздоровительной и физкультурной работы» [В помощь организаторам парков, с. 3].

Однако и в последующие годы существования парка финансовые, кадровые и административные проблемы не только не разрешились, но, напротив, приобрели хроническую форму. Приведем характерные примеры.

В 1935 г. в ходе строительства парка жалобы на скудость финансов продолжались: «...мы строим законно, а *обязакония* нам отпущено 150 тысяч, из которых ни копейки на стройматериалы нет. Мы мобилизуем внутренние ресурсы на строительство и думаю большую помощь *зделает* горком партии, который уже оказал нам. И имею большую надежду на *экслоатации както* Карусель, парашютная вышка, танцплощадка, лодогребная станция и т. д.» [ЦДООСО, ф. 2310, оп. 1, д. 1б, л. 6].

Проблема кадрового голода и отсутствия квалифицированных работников до сих пор не решена (что очевидно и по вопиющей малограмотности протоколов партячейки): «Из опыта летней работы 1934 г. массовиков парка культуры и отдыха были допущены ряд грубых нарушений трудовой дисциплины, а поэтому надо в 35 году *зделать* тщательный подбор рабочей силы. Постановили: 1) Организовать специальную *парковскую* учебу. 2) Организовать коллективное посещение в драмтеатр, кино, музеей. <...> 6) Организовать лекцию по вопросам политики партии. Вовлечь в кружок истории партии большевиков беспартийных <...>» [Там же, л. 8–9].

В 1936 г. парк до сих пор не решил проблемы, связанные с проектированием, организацией работы и кадровым голодом: «Арх. мастерская в лице Дукельского и Соколова предлагает дать отклонение на объектах строительства в 1936 г., но указывают, что денег мало <нрзб>. Строиться должно, летний театр закрытый на 30 тысяч человек, танц. площадка, навес от дождя, пляж, солярий, водную станцию. <...> На *освящение* отпущено 15 т. р. на аллею 40 т. р. Открыть парк к 1 июня 1936 г. Рабочих у нас всего в парке 4 человека» [ЦДООСО, ф. 2310, оп. 1, д. 16, л. 53]. В итоге летний сезон парк встречал с небогатым перечнем объектов инфраструктуры: танцевальная площадка, читальня, оранжерея, лодочная станция, физкультурная площадка, трансформаторная будка и «остальные мелкие сооружения» [Там же, л. 68–69].

Выходило так, что центральный парк культуры и отдыха в Свердловске, призванный быть парковым пространством нового поколения и обеспечивать качественно иное взаимодействие с посетителями, сумел ко второй половине 1930-х гг. обеспечить лишь развлекательный и рекреативный досуг, основным преимуществом которого выступала близость к природе. Парадоксально это совпало и с новыми идеологическими веяниями тех лет, в результате которых было пересмотрено содержание концепта «отдых», провозглашено первенство природной составляющей паркового досуга и снижен градус политизации мероприятий по работе с визитерами. Однако помогли установить такое соответствие скорее негативные причины — экономические, кадровые и организационные.

Заключение

Центральный парк как новый инструмент трансформации городской культуры задумывается как «культурно-политический комбинат», способный переработать негативные характеристики жителей новых советских городов и создать на выходе новую, позитивно сформулированную культуру.

Производство культурности (как комплекса этикетных норм, политической грамотности и осведомленности в вопросах техники, спорта и широко понимаемого культурного наследия) путем организации активного отдыха, требующего мобилизации человеческих ресурсов, осознанной и заинтересованной вовлеченности посетителей в тщательно разработанные культурные события, — идеал, которого не удалось достичь в первые годы работы свердловского ЦПКиО. Его создание рассматривалось как важный шаг на пути преодоления пережитков прошлого — аполитичных «мещанских» развлечений в парках, потребления удовольствий, расслабленности, зрительских прихотей. Но согласно свидетельствам о его работе, город получил большой, официально главный, но плохо организованный и с трудом преодолевающий трудности роста парк отдыха и развлечений. Сценарий масштабного производства нового горожанина в сложноорганизованном пространстве культурного комбината остался в проекте.

Причиной тому были тщетная попытка копировать столичные эталонные нормы, в ходе которой свердловский ЦПКиО столкнулся с многочисленными

трудностями, а именно: недостатком финансирования и материальных ресурсов, постоянной сменой управленцев, отсутствием квалифицированного персонала, переработками проекта парка и постоянными реорганизациями. На столь проблемном фоне первоочередной задачей парка являлось обеспечение нормального функционирования (которое по разным причинам часто оказывалось на грани срыва). Задачи же идеологической обработки посетителей и формирования нового советского человека при таких условиях пока не ставились.

Как можно видеть на примере ЦПКиО им. В. Маяковского в Свердловске, результатом, к которому невольно приходили парки в провинции ко второй половине 1930-х гг., был рекреативный отдых на лоне природы, так как ничего другого парки не имели возможности предложить. Однако парадоксально это вынужденное решение сблизило реалии существования провинциальных парков с изысканиями столичных идеологов-паркостроителей, приведшими к радикальному развороту парковой политики от возгонки «культурности» к созданию условий для тихого камерного отдыха.

Барышева Е. В. «Фабрика переделки сознания»: символика советских парков культуры и отдыха в репрезентации власти 1920–1930-х гг. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 9–25.

В помощь организаторам парков культуры и отдыха / сост. Ф. Фелистак. М., 1935.

В Свердловске строится Парк культуры и отдыха // На смену! 1931. 1 марта. С. 4.

ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 286. Оп. 1. Д. 164. Л. 14.

Карра А. Я., Луиц Л. Б. Реконструкция московских парков // Проблемы садово-парковой архитектуры : сб. ст. М., 1936. С. 45–80.

Кланг И. И. Цветочное оформление парков культуры и отдыха // Проблемы садово-парковой архитектуры : сб. ст. М., 1936. С. 269–279.

Луиц Л. Парки культуры и отдыха // Архитектура СССР. 1934. № 5. С. 20–29.

Парк культуры и отдыха сделать образцовым // Урал. рабочий. 1933. 21 июня. С. 4.

Постановление ЦК ВЛКСМ (по докладу Горьковского горкома и Сокольнического парка культуры и отдыха им. Бубнова) «О летней массовой работе» // На смену! 1934. 1 июня. С. 3.

Проблемы садово-парковой архитектуры : сб. ст. М., 1936.

Прохорова М. И. Архитектура парков и природные условия // Проблемы садово-парковой архитектуры : сб. ст. М., 1936. С. 123–148.

Рабинович Е. Центральный парк культуры и отдыха им. В. Маяковского. Екатеринбург, 2019.

Рафаил М. За нового человека. Л., 1928.

ЦДОСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 2310. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–69.

Шервинский Е. В. Проблема освоения наследия садово-парковой архитектуры // Проблемы садово-парковой архитектуры : сб. ст. М., 1936. С. 81–104.

38 тысяч на отдыхе. Парк культуры и отдыха открылся // На смену! 1934. 8 июля. С. 4.

Статья поступила в редакцию 25.08.2022 г.